

Часть первая

Джанни дель Бокколе

Я хочу рассказать вам историю Марчеллы Фазан. Кто-то же должен сделать это!

Но вы не поверите мне.

Вы скажете:

— Чтобы девушка так согрешила? Она же сущий Иов в юбке.

Это грязная ложь, Джанни, ты просто водишь нас за нос.

А я отвечу лишь:

— Слушайте.

Предупреждаю: будет неудобно. И даже неприятно.

Мингуилло Фазан

Если вам когда-либо доводилось видеть портрет монахини, знайте: рисовали его уже с мертвой женщины. При жизни с монахинь не пишут портретов, и лицо монахини не интересно никому, включая ее саму, не говоря уже о ее брате.

Знай я об этом, когда отправлялся на поиски сестры, никуда бы я не поехал и вдобавок еще и избежал бы болезни. Кроме того, в руки ко мне никогда не попала бы та роковая книга из человеческой кожи.

В наше время требуется совсем немного, чтобы вызвать отвращение у обожаемого читателя, посему я не стану описывать приключившиеся со мной неприятности, во всяком случае, не сразу. Иначе после первой же главы я рискую оказаться погребенным под письмами, сочащимися негодованием, в которых, например, будут такие строки: «Как вы смеете заставлять меня читать подобные вещи, когда я только что сделала глоток горячего вина, а стена напротив была побелена совсем недавно!»

Ну и, разумеется, первый вопрос, который задает себе горячо любимый читатель, открывая книгу и прислушиваясь к своему внутреннему голосу, звучит так: «А хочу ли я долго блуждать в темноте с *этим* человеком?»

Ибо у него есть выбор. Вот почему я (Мингуилло Фазан, ваш покорный слуга и т. д., и т. п.) приложу все усилия, чтобы развлечь вас, а не утомить, вызвав раздражение. И постараюсь не забыть о том, что следует доставлять удовольствие, даже пересказывая самые отвратительные воспоминания. Другими словами, вгрызаться в жилистое мясо, сдобренное для виду ароматными специями.

Посему давайте-ка в таком вот духе вернемся к началу начал, поскольку есть некоторые вещи, которые искушенный читатель и впрямь должен знать, дабы со вкусом отобедать вышеозначенным мясом сей истории. Недалекий читатель может прямо сейчас переместить свой зад в любимое мягкое кресло в кофейне и взять в руки дешевый иллюстрированный журнал, с полным удовлетворением сознавая, что под *этой* обложкой для него нет ничего интересного. Итак, приступим.

Начну с той прелести, что может привлечь ваше внимание.

Портрет моей сестры Марчеллы нежданно-негаданно прибыл в Венецию, пропутешествовав на осле вниз по не заслуживающим доброго слова склонам Эль-Мисти¹ в Перу, откуда на корабле его доставили в Вальпараисо (оставивший в памя-

¹ Эль-Мисти — вулкан в Южной Америке на территории южного Перу. Высота 5822 м, зимой вершина покрыта снегом. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

ти несравненно более приятный образ), и там он угодил в заключение на целых три дня в сырое здание таможни. К тому времени, как ее лицо вышло на волю, кожа моей сестренки стала рябой и покрылась оспинами. Чешуйки осыпались даже со зрачков ее глаз, оставив после себя многочисленные светлые пятнышки, создававшие весьма ошибочное впечатление, что она не только жива, но еще и отличается веселым и жизнерадостным нравом.

Моя сестра никогда не была веселой и жизнерадостной девушкой. Марчелла, даже когда была жива, всегда походила на потускневшую медную монетку, которую легче выбросить, чем носить, чтобы не пачкать ею кошель. Словом, совершенно не такая, как я. А я ждал от судьбы совсем другого.

Чего?

Чего?

У читателя есть замечательная история, которую готов выслушать весь белый свет?

Ля-ди-да, и т. д., и т. п. Знаю, знаю. Читатель должен удовлетворить свой зуд рассказчика и поведать *свою* историю, чего бы это ему ни стоило. А я пока немножко вздремну.

Замечательная история? Весь белый свет?

Моя намного лучше.

А ведь я еще даже не родился.

Два жалких ничтожества, которые произведут меня на свет, ковыляют к моему зачатию, с трудом переставляя ноги. Они уже сделали одну ошибку: родили девочку по имени Рива.

А как же Марчелла, объект и героиня моего рассказа? Увы, нетерпеливому читателю придется изрядно подождать, пока она появится, но мы придумаем, как убить время, верно?

Джанни гель Бокколе

На склоне дней своих, ежели проживу столько, конечно, я буду жалеть, что в молодости не вел дневник. Потому как теперь мне приходится вспоминать все, каждую мелочь, клянусь Распятием!

Тогда я был всего лишь мальцом на побегушках на кухне, да и родился-то я под кухонным столом, если на то пошло, ведь матушка моя была поварихой во дворце Палаццо Эспаньол. Папаша мой был бродячим торговцем, которого более не видали в наших краях после того, как он показал матушке свой товар лицом, ежели так можно выразиться. Наш славный хозяин, мастер Фернандо Фазан, позволил ей оставить меня, несмотря на то что это была ее вторая промашка, ведь у меня уже имелась сводная сестра Кристина, которую матушка прижила от какого-то углекопа.

Колыбелька моя стояла под кухонным столом, так что в первые годы жизни я любовался только его широкими досками снизу, вместо того чтобы глазеть в небо. О той поре у меня сохранились лишь два воспоминания. Одно — как улыбающаяся матушка то и дело откидывает скатерть, чтобы, значит, поцеловать меня, и второе — о ее *tortellini in brodo*¹, лучше которых не найдешь на всем Гранд-канале².

Нашу матушку унесла черная оспа, когда мне едва сравнялось шесть годочков. Нам с сестренкой пришлось бы плохо, если бы не доброта нашего славного хозяина, мастера Фернандо Фазана. Он не стал выгонять нас с Кристиной и даже не отдал нас монахиням.

— Но ведь ты же один из нас, малыш! — вот что сказал мой хозяин, глядя поверх очков на меня, шестилетнего мальчика. — Как же мы будем жить без тебя, Джанни?

Ну, и чтоб от нас был хоть какой-то прок, нас приставили поворачивать шампуры над огнем да бегать за растопкой.

Кристина обожала меня, да и все остальные тетеньки в доме тоже, особенно одна служанка по имени Анна, пусть она была всего-то на три года старше меня, вся такая из себя маленькая, пухленькая, красивенькая и опрятная.

К тому времени мой хозяин, мастер Фернандо Фазан, взял себе красивую толстую женушку с такой здоровой, прямо как

¹ Пельмени в бульоне (*итал.*).

² Гранд-канал — самый известный канал Венеции.

башня, прической. Мой хозяин частенько навещался в Перу, там он занимался всякими своими делами. Но в его отсутствие все шло должным порядком. Для других благородных особ устраивались роскошные банкеты, балы по временам года, карточные состязания и прочее.

Как и многие дамы ее положения, моя хозяйка, госпожа Доната, взяла себе заместителя мужа¹, который становился главным в отсутствие хозяина и даже иногда оставался таковым в его присутствии. У меня прямо душа радовалась, когда я глядел на заместителя мужа, Пьеро Зена, и законного мужа, Фернандо Фазана, — они походили на настоящих братьев, глаз не оторвать. Клянусь Богом, да сами стены теплели от их громкого смеха и криков, точно вам говорю!

А потом у моего хозяина и госпожи хозяйки родилась маленькая дочурка, Рива. Опять пошли банкеты, да и слугам вина перепало изрядно, скажу я вам. Мою сестру Кристину тут же взяли четвертой нянькой. Уж как она радовалась-то! Вы бы только слышали, как эта кроха агукала в своей колыбельке все дни напролет. В честь нового ребенка мой хозяин, мастер Фернандо, посадил у нас во дворе целый сад роз и сирени. Но оставил еще свободное место, сказав (вот никогда не забуду тех его слов!):

— У нас будут еще дети, значит, понадобится еще больше цветов.

Клянусь, о тех временах у меня осталось больше сладких воспоминаний, чем у вас волос на голове. И теперь, когда я оглядываюсь назад, мне думается, что Палаццо Эспаньол был для нас настоящим домом, истинным цветочным раем на земле, в котором родилась и Марчелла Фазан.

А уж как мы горевали всякий раз, когда мой хозяин, мастер Фернандо, отплывал в Перу! Ведь там было очень беспокойно, в тех-то дальних краях. До нас доходили такие слухи, что волосы седали от ужаса и по коже как морозом сыпало.

¹ Джанни имеет в виду официального любовника, что в те годы было в Венеции в порядке вещей.

Сестра Лорета

Меня предупреждали, чтобы я не писала этого.

Умоляю всех, кто станет читать, не думать обо мне плохо из-за того, что я проявила самонадеянность, написав этот текст, особенно учитывая мое полное невежество и непривлекательность.

Если работа сия попадет на глаза какому-либо доброму христианину, он должен понимать, что не гордыня заставила взяться за перо эти ни к чему не годные пальцы, а только воля Господа Бога нашего. Мои слова станут для него духовной пищей, такой же, как святое причастие.

Тот же самый добрый христианин, несомненно, должен рассматривать свидетельства Венецианской Калеки и ее подруг лишь как слюну дьявола, превратившуюся в чернила и выплюнутую на бумагу.

Начну с первого из своих ясных воспоминаний. Оно относится к долгой смерти Тупака Амару II¹, длившейся с десяти часов утра до пяти часов пополудни, что доставило истинное наслаждение всем благочестивым людям. Это произошло в Куско, Перу, где родилась и я. Шел 1781 год, и мне как раз исполнилось двенадцать лет.

Тупак Амару восстал против испанского правления и Святой Матери Церкви Перу. Этот крестьянин бросил вызов даже благородной знати инков, осуждавшей его с самого начала. Целые испанские города Тупак Амару оставлял без слуг Божьих. Так что теперь они сделали из него ужасный пример для других.

Его заставили наблюдать за тем, как умирают под пытками его жена, старший сын, дядя и зять. Их замучили до смерти на Плаза де Армас, что само по себе стало страшным оскорблением, поскольку некогда эта площадь была для инков священной.

¹ Тупак Амару II — южноамериканский революционер, организатор и руководитель восстания коренных народов против испанских колониальных властей в Перу.